

На золотом крыльце сидели...

Почему мы не любим чиновников, хотя они такие же, как мы.

«Знаете, о чем я мечтаю? — написал в своем блоге замгубернатора Вологодской области Олег Матвейчев. — Чтоб в один прекрасный день собрались все... выступающие за власть народа... завистливые козлы... манипулируемые лохи... и вышла бы танковая армия... и все говно нации намотало бы на гусеницы». Народ прокомментировал эту запись не менее красноречивой бранью. Действительно ли существует классовый раскол между номенклатурой и всеми остальными? Что на самом деле происходит в головах и душах обычных чиновников?

— Мы обсуждали в правительстве реализацию монетизации льгот. А в парке рядом шел митинг против этой монетизации, — вспоминает Женя, мой приятель, чиновник из администрации Санкт-Петербурга. — Когда окончилось и то и другое, я пошел пешком к Таврическому саду. И по дороге встретил — представляешь? — старушку с котом. Она была на митинге и увидела где-то рядом болящего кота с раненой лапой. И понесла его домой — кормить, лечить, жалеть. Я ее проводил, она мне о себе рассказала.

— Старушка знала, что ты чиновник — из тех, кто отобрал ее льготы?

— Нет, конечно. Зачем?

— Совесть не мучила?

— Ты только главное пойми! — втолковывает мне приятель. — Решения Москвы... как правило, не смертельные. Нормальные такие, переносимые решения. Если только четко исполнять. Но когда всякие умники... начинают выступать на местах, протестовать, требовать, все делается через ж...пу. С поспешными доработками, компромиссами. Именно тогда и становится хуже, чем могло бы быть. И люди из-за этого страдают намного больше!

Мой приятель — замглавы департамента... но лучше не писать какого: нет никого сердитей глав всяких там департаментов, а Жене там еще работать. Некрасиво подставлять приятелей, верно?

Он пригласил меня посмотреть на свою работу.

Царь

Коридоры администрации Санкт-Петербурга идут по кругу. Проходя по первому этажу, встречаю сплошь пожилых дам с налаченными волосами. На втором — молодых, с прическами попроще и юбками покороче. На третьем кругу посреди широкого пустого коридора две женщины стоят вплотную друг к другу и шевелят губами. Кажется, будто они не произносят ни звука, но явно о чем-то договариваются, успевая каждые пять секунд оглядываться по сторонам. На четвертом этаже вижу наконец мужчин. Животики обоих нависают над ремнями. «Сергей Петро-ович! — громко кричит тот, что полысее, хотя собеседник недалеко и прекрасно услышал бы нормальную человеческую речь. — Не меня ли вы иска-али!»

— Почему госслужащие такие карикатурные? — спрашиваю я Женю.

— Все люди карикатурные, — переводит он стрелки.

— Но я не про всех, я про чиновников.

— Наверное, в этой профессии раскрываются характеры, — говорит Женя и делает вид, что это ответ. Для него какой-то смысл тут все-таки содержится.

Он вспоминает юные годы, когда еще студентом пришел на стажировку в этот свой «один департамент». Говорит, что на госслужбе не сразу осознаешь, куда попал, и долго чувствуешь себя не в своей тарелке. Чиновничье самоощущение пришло к нему после курсов для молодых сотрудников, когда он решил применить

на практике новые знания и затеял большой проект. Развернул деятельность, которой в департаменте сроду не видели. Всерьез ее никто не воспринимал, пока юнец не стал оформлять нововведение юридически.

— Тогда коллеги показали, что я слишком активен, — вспоминает Женя. — Мою инициативу все как бы поддержали, в протоколе отметили, что идеи правильные, обоснования верные и вообще я молодец. Но проголосовали все против.

Так среда продемонстрировала Евгению свою нездоровую изощренность.

— У меня было два выбора, — вспоминает он. — Первый — смириться и спокойно работать дальше. Типа ошибся и ладно, хрен с ним. Второй выбор — уволиться, бросить все и ладно, хрен с ним. А третий, — откуда-то у Жени появился третий выбор из двух, впрочем, первые два в его интерпретации мало чем отличались, — сделать то, что задумал. И я победил!

— Вот так прямо взял и победил? — удивляюсь я.

— Ну, появился авторитетный человек, который сказал о своем отношении ко мне, и меня все-таки поддержали.

Так Евгений показал среде, что и он не лыком шит.

— Причем я этого человека не просил мне помогать, — добавляет мой герой. — Просто... появился повод. Потому что он увидел: я руки не опустил, это был результат большой работы. То есть дело было не в протекции, а в том, что я много работал.

Если Женю не читать, а слушать, возникает впечатление толкового, искреннего человека.

— Некоторые там считают, я на государственной службе что-то имею, — говорит он. — По себе судят.

«Некоторые» — это потенциальные оппоненты, которые могли бы заявить, что Женя боится расстаться с кормушкой. Он заранее дискредитирует их в моих глазах. Теперь мне должно быть ясно: они сами такие.

— Нужно выбрать, — объясняет Женя, — либо становишься стойким бойцом, либо гордо так бросаешь службу. Тогда тебя сочтут жертвой нечестных правил, будут жалеть. Некоторым это приятно.

А этим выстрелом Женя уничтожил потенциальных оппонентов, которые могли бы заявить: «Порядочный человек долго в чиновниках не удержится». Теперь ясно: они просто рисуются.

«Некоторые» — это ключевой элемент чиновничьей картины мира, они всегда присутствуют в мыслях Евгения. У него сложная задача: он не может позволить себе просто что-то сказать, каждое его высказывание должно содержать заряд, уничтожающий возможных оппонентов. Однако, говоря более чем «что-то», он, как чиновник, не должен сказать лишнего. И тут единственный верный способ — толком ничего не сказать.

— Осуждение коллег — заведомый проигрыш, — говорит Женя. — Независимо от репутации чиновник должен со всеми работать.

— Ты будешь иметь дело с нечистым на руку коллегой? — спрашиваю я через пять минут.

— Нет, конечно. Это неправильно, — отвечает он. — Я всегда выбираю, с кем не стыдно работать.

Не то чтобы Женя хотел казаться лучше, чем есть. Он будто наводит мысленный мост с двух берегов навстречу друг другу — все пытается соединить мысль о современной государственной службе с мыслью о служении благу делу. Но они соединяться не хотят. Половинки переправы упрямо не сходятся: в округлой речи сплошные фразы-бреши. Впрочем, иногда и в самых общих фразах проскальзывают неожиданно свежие мысли.

— Нельзя заниматься государственным управлением вне чиновничьей среды, — говорит Женя. — Ты можешь быть самостоятельным, но все равно весь в этом!

Время от времени сквозь фразы-бреши проскакивает его любимое слово-паразит — «как бы»:

— На госслужбе я имею возможность решать как бы профессиональные вопросы. Чиновник должен как бы полезное делать.

Женя уже несколько минут настойчиво объясняет мне, почему он не ушел с госслужбы. Странно, я ведь и не думала расспрашивать.

Замглавы «одного департамента» садится за рабочий стол, включает компьютер, ищет, что написали о нем СМИ. Просматривая сайты, сначала подхихикивает, затем посмеивается, но натывается на критику и укоризненно вздыхает: «Журналисты так стереотипны!» Он устал, а тут еще критика. На маленьком столе в аскетичном кабинете ваза с веткой вербы и российским флагом. В газете на столе написано: «Чубайс — талантливый управленец, способный руководить процессами даже на неизведанном поле». С официального места — со стены над столом — смотрит с портрета представительный президент Медведев. На неофициальном, у шкафа, снова Медведев — радостный, как мальчик, показывает большой палец.

У Жени нет семьи. Я знаю, что поздними вечерами он работает в своем кабинете с документами. Когда все вокруг стремятся развлечься, он, как монах, не думает о бренном.

— Моя работа нужна региону! — говорит он вдруг. Напряженное лицо становится страшным. Кажется, если вот сейчас не разделить этого неуместного пафоса, он развернется, хлопнет дверью и раззнакомится со мной навсегда. Женя как будто вообще уже не может говорить искренне, небанально. Если поместить его в среду, где все говорят искренне и небанально, он, похоже, просто умрет от беспомощности, как крокодил, у которого сломана челюсть.

— Помнишь Акакия Акакиевича из «Шинели»? — спрашиваю я его.

— Да что тебе этот... Акакиевич! — неожиданно взрывается чиновник, будто внимание к персонажу Гоголя для него личное оскорбление. — Ты помнишь вообще, в чем его беда?! Он хотел быть как начальники! Не по сути, а по форме! Помнишь? Шинель такую же иметь! А я... Я первое время вообще ходил в пальто и кроссовках. Потому что в дело был погружен!

Странно, ведь я и не думала сравнивать.

На прощание Женя громко орет:

— Ю-уля! Как приятно с тобой пообща-аться!

Царевич

Заседания правительства Петербурга транслируются для журналистов на плазменных экранах в отдельном зале. Губернатор Матвиенко говорит о подорожании гречки. В своем лирическом отступлении она, решив продемонстрировать навыки хозяйки, напоминает горожанам, что гречневую крупу долго хранить нельзя — могут завестись жучки. Ряды журналистов взрываются смехом: представляете, губернатор сказала «жучки»! Через десять минут Рунет наводнят глумливые интерпретации этого слова. А ведь губернатор просто хотела проявить человечность. Но народ почему-то этого не воспринял. Может, люди зачерствели, может, получилось у нее неискренне. А может, чиновник — это бедный дракончик, которого все боятся и никто не понимает. Интересно, вздохнула Матвиенко, прочитав в тот день язвительные замечания в свой адрес?

В столице Республики Адыгея, городе Майкопе, журналисты не так саркастичны. Здесь всего два здания, где можно заработать: Сбербанк и Белый дом. Последний вместительней, он свежеевыкрашен с парадной стороны, а с тыла тронут плесенью. В регионе как бы очень-очень любят молодежь. Должностные лица постоянно об этом говорят. Чтобы удержать новое поколение на малой родине, ежегодно устраивают праздники, турслеты. Руслан, служащий республиканского комитета по молодежной политике, один из главных их организаторов.

— У нашего комитета много всего связанного с молодежью, — рассказывает чиновник. Ему самому чуть больше двадцати. — Сами программу разрабатываем, сами принимаем и исполняем. Недавно устроили гигантский форум «Молодежь Адыгеи», все представляли свои проекты, творческая молодежь — проект развития направлений в музыке, научная молодежь — проект экологии нашей жизни...

— Тебе не кажется, что реальные проблемы не прикрыть мишурой ролевых игр?

— Есть такое, — грустнеет Руслан. — Но если совсем ничего не делать, ничего не изменится.

И продолжает рассказывать про «гигантский форум». Недавно он въехал в новый кабинет, еще не все на своих местах, на столе лежит мишень для дартс, единственный дротик вкручен в «яблочко» по самое основание, будто дартс закололи насмерть. Из региона, где Руслан активно развивает молодежную политику,

молодежь ежегодно уезжает тысячами, ведь в объятиях скучающих надзорных органов республики ежегодно гибнет сотня частных предприятий.

— Это само собой так получилось, что я стал чиновником, — говорит Руслан. — В милицию не хотелось. А если рассчитываешь получить стабильный доход, работать надо на государство, больше не на кого. По крайней мере в нашем регионе.

— Еще для меня важен статус, — признается он чуть погодя. — Госслужащие — это люди, понимающие суть общественных процессов. Если у тебя проблема, ты звонишь не просто другу, а другу-чиновнику. Да, я чувствую, что у должностных лиц высокий статус.

Исследование Института социологии РАН 2005 года: 63,7% населения считают чиновников равнодушными, 58,7% — продажными, 41,1% — безразличными к интересам страны, 31,1% — некомпетентными, 26% — необразованными и грубыми. Чиновники — четвертые в рейтинге «Чего опасаются россияне». Картина была бы предельно ясна, если бы не одно «но». В этом году фонд «Общественное мнение» выяснил: 42% молодых россиян хотят стать чиновниками. Да, госслужащих в обществе считают монстрами, но это никак не влияет на их статус.

В углу Русланова кабинета валяется агитплакат: на фотографиях все люди в майках «Молодая гвардия», буква «Я» отпечатана на всю грудь. Многочисленные майки как будто квакают: «Я, я-я, я!» Получается болото. Про вручение ветеранам всем надоевших георгиевских ленточек написано: «Молодогвардейцы наградили героев Великой Отечественной войны... символами вечной памяти о неоценимом подвиге предков... подаривших нам мирное небо над головой». Звучит почти как «Федор Михайлович Достоевский — великий русский писатель».

— Да, я в «Молодой гвардии», хотя всегда сторонился политики, — стесняется своей партийности Руслан.

— А теперь?

— Ну, теперь я увидел... что в политике есть люди, желающие что-то делать, — отвечает он «на пятерку». — Но их пока мало. И надо, короче, чтобы стало больше.

Чиновники в Республике Адыгея любят молодежь, а молодежь любит КВН. В этом году девиз майкопской лиги — «Дорогу молодым!». Свежая сценка сезона: кабинет президента республики; судя по движениям и звукам, Тхакушинов рубится в гоночки. «Аслан Китович, к вам Дмитрий Анатольевич!» — сообщает голос секретарши по громкой связи. «Фатима! — отвечает вип. — Второй джойстик, срочно!» В КВН в основном играют студенты местных юридического и экономического факультетов, будущие чиновники и, как правило, дети чиновников нынешних.

Король, королевич

— С помощью «Молодой гвардии» мы продвигаем молодежь во власть! — не стеснясь, заявляет Руслан. Он и сам вступил в «Единую Россию», потому что это «открывает перспективы». На сайте местного отделения висит реклама удивительной книжки под названием «Я. Путь стать властью». В комитете, где работает Руслан, все политически активны. Он рассказал, что это ведомство — как трамплин для резкого статусного скачка: руководители комитета по молодежной политике идут на повышение каждые полтора года. Аслан Потоков стал помощником президента Адыгеи. Наталья Широкова теперь министр труда и социальной защиты.

Мраморный холл Белого дома, где теперь работает Широкова, тих. На экране охранника пустые коридоры. Минута, две. Слышится далекий стук каблучков. Медленно приближается. Медленно стихает. Охранник вздыхает. Опять тишина.

— Каким может быть внутренний мир чиновника?! — встречает меня тридцатичетырехлетний министр Широкова, когда я добираюсь через кордоны до ее кабинета. — Нам его не положено! Иногда, представляете, даже смотрю КВН, а он вроде и не смешной. Если бы вы знали, какой это труд! Чиновник должен всегда быть собранным...

Если государственного деятеля поднять среди ночи с постели, он наверняка и тогда без запинки расскажет, каким должен быть.

— И мы всегда помогаем, — продолжает приветливый, симпатичный министр. — Если появляется у меня в

приемной человек... выслушиваю всех!

— Так не пустят же без пропуска, — говорю я.

— Есть, конечно, определенный порядок. Но мы должны стремиться к полной открытости.

Если государственного деятеля поднять среди ночи с постели, он без запинки расскажет, к чему должен стремиться. Причем так, будто уже всего этого достиг.

— Знаете, я до сих пор болезненно переношу... неконструктивную критику, — делится наболевшим Наталья Широкова, которая отвечает за сиротские приюты и дома престарелых. — Потому что я очень стараюсь. Я очень молодой министр. Мне президентом республики оказано огромное доверие. Вся моя работа нацелена на то, чтобы президента республики ни в коем случае не подвести.

Раздается звонок.

— Да-да, — отвечает чиновница. — Проект на бюджет... Я разве не подписала? Помню вроде, что подписала. Нет, не подписала? А, вот вижу, сейчас подпишу!

— Это настолько трудно, довести свою сферу до совершенства, — продолжает она, моргая красивыми глазами. — Два года мы ремонтируем дом инвалидов. После очередных миллионных вливаний я думала: все, теперь образцовый. Приехала — ан нет! Надо еще кровлю менять!

Может, когда-то Наталья Широкова, как и Руслан, стеснялась своей партийности?

Про министров очень интересно рассказывают люди, которые работают рядом с ними. Например, собрался министр приехать на открытие водного спасательного комплекса. Хорошее дело. Но комплекса-то нет. Поэтому его быстро строят из панелей, красят, обставляют. Покупают зеленый рулонный газон, втыкают в обочину елки. Министр приезжает, смотрит, хвалит, уезжает. Через неделю идет дождь. Наскоро слеппенный каркас протекает, мебель внутри гниет, газон желтеет, елки сохнут. Через пару месяцев снова намечается визит министра. И к его приезду... здание красят, покупают новый газон, опять втыкают елки. Вы думаете: почему бы сразу не посадить нормальные елки? Люди, которые работают рядом с министрами, тоже об этом думают.

Сапожник, портной

Заведующий лабораторией политической психологии СПбГУ, бывший замглавы комитета по печати Петербурга Владимир Васильев знает, каковы истинные отношения между «нами» и «ими».

— Народ действительно испытывает сильную ненависть к некоторой общности чиновников, — говорит он, помешивая чай. — Но это чувство обладает совершенно поразительными свойствами. Если кто-то из нас знакомится с госслужащим, например, на вечеринке, то принимает его совершенно нормально. Так что ничего удивительного, если чиновник не ощущает эту народную нелюбовь. Более того, ненавидя чиновников, девяносто процентов людей хотят ими стать. Это показало одно из исследований нашей лаборатории.

— Такая смесь ненависти и симпатии, должно быть, признак нездоровья? — спрашиваю я.

— Нет, что вы. Абсолютно здоровая реакция. Потому что в нашем представлении на месте чиновника тепло и хорошо. А каждый нормальный человек стремится туда, где тепло и хорошо. Вспомните пассажиров битком набитого трамвая. Пытаясь в него втиснуться, они кричат: «Потеснитесь, людям войти надо!» А оказавшись внутри, орут: «Куда лезете, трамвай полный!» Вот и здесь примерно то же.

Владимир Васильев знает, почему должностные лица устраивают скандалы в аэропортах, угрожают гаишникам и ездят по встречной полосе.

— Назначение на госдолжность — резкий статусный скачок. Есть два типа реакции на него. Адекватная и... распространенная, когда вчера еще нормальный человек чувствует изменившееся отношение к себе окружающих. Он приходит в госучреждение как простой гражданин, а ему все оформляют без очереди. Гаишник видит красную корочку — и отпускает, даже не проверив документы. Личные дела нового должностного лица идут все лучше, ведь люди вокруг узнают о его новом статусе. И все эти перемены делают свое дело: новоиспеченный чиновник впадает в эйфорию, он уже кажется себе сверхчеловеком. Я наблюдал много таких случаев, впечатление печальное. Появляются высокомерие, заносчивость, грубость... И заметьте, все дело в простом общечеловеческом качестве: каждый из нас внутренне уверен, что он чем-то лучше

других. Да, это может произойти с любым из нас. А ужас для человека начинается, когда должность свою он теряет. Словом «трагедия» этого не передать. Этот стресс ни с чем не сравним по силе. Может сопровождаться гипертоническим кризом, инфарктом, обострением язвы... Экс-глава Росприроднадзора Сергей Сай и экс-директор государственного музея-заповедника «Ораниенбаум» Виктор Грибанов вскоре после отставки умерли, оба от сердечного приступа.

— Вы думаете, современные чиновники не ведают, что творят? — спрашивает на засыпку психолог. — Ничего подобного. Там сидят неглупые люди, с самооценкой у них все в порядке, любой из них понимает, что грешен. Выходит, они что, бесчувственны? Нисколько! Есть у них и переживания, и настоящие муки совести. И, чувствуя свою вину, они испытывают потребность помогать людям. Есть и общепринятый, модный способ: помог церкви — снял грех с души. Церковь эту склонность чиновников знает и с радостью использует. По той же причине жертвуют деньги различным фондам. По ней же более здравомыслящие госслужащие стараются помогать конкретным людям — подчиненным или просто бедствующим гражданам, переводя, например, деньги на сложную операцию для ребенка из собственного кармана.

— А не грешить им в голову не приходит? — спрашиваю я.

— Это невозможно, — уверенно отвечает Васильев. — Все располагает к тому, чтобы чиновник грешил. Потому что нет реальной мотивации к эффективному труду и нет реального контроля за его деятельностью — ни общественного, ни политического.

Если верить Васильеву, российский чиновник вовсе не бесчеловечен. Напротив, он даже слишком человечен, в том-то и беда.

— Коррупционер достоин уважения? — спросила я как-то матерого муниципального служащего.

— Каждый человек достоин! — ответил он. — Хотя бы потому, что добился своего, занял высокое положение. Самое важное — не коррупционность, а профессионализм. Мои коллеги, которые, как я, вышли из комсомола, прекрасно это понимают. Путин с Медведевым, кстати, тоже из нашей волны.

Выбирай, кто ты будешь такой

Александр Щелканов был председателем исполкома Ленсовета в самые горячие годы — в 90-м и 91-м. Он помог городу пережить тяжелые времена, а потом из принципа отказался бороться за мэрство. Стал депутатом и снова из принципа отказался претендовать на очередной срок в мягком кресле. Вместо этого уехал на Валдай.

— Люди видят систему госслужбы с нижнего уровня, где сидит... маленькая чиновница, — рассуждает он, выйдя на пенсию. — Ее задача — не решить вопрос гражданина так, чтобы соблюсти вид законности и не создать проблем руководству. Не дай бог, она вынесет решение, например, выдать многодетной семье жилье! Начальник скажет: «Что ж ты, сволочь, делаешь! Где я его возьму?» И так далее по цепочке вверх. Кажется, у каждого отдельного элемента этой системы нет выбора.

— И что же ощущает этот элемент? — задумываюсь я. Демократ-ветеран тоже.

— Лежащий отдельно кирпич могут и пнуть, и в благородный колодец вставить, — говорит он. — Кирпич же вложенный в стену, сжатый со всех сторон уже есть сама стена. И сложившийся в современной России имидж чиновника объясняется необходимостью быть элементом этой кладки. В зависимости от амбиций можно стать подвальной стеной или кремлевской.

Сам Щелканов, чтобы не быть замурованным в стену, уехал подальше, в валдайский поселок Ящерово. В его скромном доме все необходимое и ничего лишнего. Туалет с колодцем — во дворе. Отказавшись хозяйствовать в Петербурге, Щелканов правит своим мини-государством: чистит камин, сажает березы и, как та старушка из Таврического сада, жалеет котят. Когда беззаботные дачники съезжают с дач, бросая там своих Мурок и Васек, те сбегаются сюда. Здешний государь не так богат, как владельцы некоторых коттеджей, зато гостеприимен и круглый год на месте.

Но как далеко ни закатился кирпичик-Щелканов, великую чиновничью стену дотянули и сюда. С одной стороны от его домика возвели свой дачный поселок высокопоставленные служащие администрации президента. С другой — представители ФСБ, МВД, ФСО.

Дачи в Ящерове стоят у дивной красоты озера. Здесь принято огораживать участки низкой сеткой, чтобы не

закрывать красот не себе, ни соседям. И соблюдая это негласное правило, прекрасно уживаются писатели и музыканты, «синие» и «белые воротнички». Но резиденции чиновников, пробившись к берегу, тут же зачем-то отгородились с тыльной стороны трехметровым глухим забором, а со стороны озера — прозрачной сеткой. Жители этой дачной крепости хотят любоваться озером, как и простые смертные, но в то же время стремятся от простых смертных отгородиться и в результате загораживают им вид на озеро, хотя задачи такой, может, и не ставят. Когда темнеет, у «блатных» коттеджей зажигается автоматический свет. Но окна у них темные: на отвоеванной земле никто не живет.

— Их дома — на территории Валдайского национального парка, — говорит Александр Щелканов. — Провернули все за полтора года, превратив земли сельхозугодий в земли сельхозпоселений. У меня документы есть из прокуратуры... Да-да, я с ними боролся.

— Серьезно или так, для очистки совести?

— А то! И знал, как победить, представляете. Но соседи не поддержали. То есть они, конечно, переживают за Валдай, но делать ничего не хотят: то других дел много, то сил не хватает. Постоянно в поселке живут семь человек, остальные — дачники. А вы заметили, нам сюда асфальтированную дорогу кладут? Ага, к коттеджам. И это — когда нет денег достроить дома ветеранам.

Пока заасфальтировали лишь правую полосу хваленной дороги. Вечером около нее настоящая деревенская сходка — местные жители, из постоянных, собираются кучкой, любят на нежданный подарок, обсуждают, радуются. Но топтать ногами эту роскошь пока не решаются. Они ходят по левой, знакомо-грунтовой половине дороги. А вот их кошки уже давно нагло гуляют исключительно по асфальту. Наверное, потому что в кошащем мире чиновников нет.

Плохо, что чиновники застраивают коттеджами уникальный памятник природы. Но местные жители с этим не борются. Да и что они могут сделать?

«Большой начальник — крупный вор, простой народ — лишь мелкий расхититель», — прочитал мне свои стихи валдайский пенсионер дядя Саша. Ему предстоит всю ночь просидеть на автовокзале в ожидании утреннего автобуса, потому что последний вечерний уже ушел, а таксисты дерут три шкуры. Мы сидим час, другой, он перечисляет мне, что в его хозяйстве украдено с завода, на котором он работает.

— Россия ведь такая большая, — вспоминаю я слова армянки Сонны, питерской чиновницы, с которой общалась вчера. — Как народ может в ней реально что-то контролировать? Разве можно вот этому прохожему с рюкзаком объяснить технологию строительства очистных сооружений? Да не надо ему этого знать! Он должен просто доверять — и все. Помнишь, Жанне д'Арк сказали: «Тебя предал твой король». Что она ответила? «Значит, так нужно государству!» Нам тут не всегда понятно, что наверху делается. Но без доверия народа там, наверху, не смогут выполнить свою часть дела!

Я пытаюсь найти в словах Сонны хоть какое-то отличие от классического «Не вашего ума дело!». Не получается. Вместо этого нахожу то же «Не вашего ума!» в закоулках собственного сознания, но уже обращенное к чиновникам. В интерпретации Сонны чиновники и народ — как опостылевшие друг другу супруги: муж гуляет, жена пилит мужа, но, с точки зрения чиновника, во всем виновата жена — она должна молчать, терпеть и ждать, пока муж одумается.

К счастью, в нашем случае роли распределены не так жестко. Этому нас с детства научила знакомая считалочка.

Пролетарии умственного труда

Вопреки распространенному в последнее время мнению, не столь уж значительная доля российской молодежи (и людей в возрасте до 35 лет, когда обычно еще рассматриваются варианты смены карьеры) стремится в чиновники.

Предложив более широкий, чем в предыдущих опросах, список профессий и вариантов трудоустройства, Институт сравнительных социальных исследований (CESSI) в только что завершенном опросе, проведенном по заказу Института общественного проектирования, получил данные, согласно которым на госслужбу стремятся лишь 7–8% молодых людей.

Вопросы по теме «Творческий потенциал и жизненные приоритеты российской молодежи» были включены в общероссийский опрос, в котором участвовали 585 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Существенных

различий в ответах на большинство вопросов между респондентами разных возрастных групп не выявлено.

При этом подтвердилась справедливость публиковавшихся ранее данных о том, что наиболее привлекательным работодателем для значительной части (более трети) молодежи в России являются крупные государственные компании, госкорпорации. Это объяснимо: сегодня госкорпорации присутствуют в большинстве регионов и способны предложить практически любую работу.

В то же время другие две трети молодежи отдают предпочтение самым разным типам трудоустройства — от работы на крупные международные компании (13%) до открытия своего дела (11%). Как следует из отчета CESSI, для современной молодежи наиболее предпочтительна работа специалиста, а 7% опрошенных хотели бы стать квалифицированными рабочими. Таким образом, при наличии широкого выбора потенциальных рабочих мест предпочтения молодых людей распределяются достаточно равномерно, и соискателей карьеры госслужащего среди них столько же, сколько предпочитающих рабочие профессии.

Приоритетом при выборе профессии сегодня является достижение материального благополучия (более чем у половины опрошенных). Примерно пятую часть молодежи составляют те, кто хочет приносить пользу обществу, ставит перед собой цели самореализации, созидания и творчества. Для 15% молодежи целью является достижение высокого общественного статуса, общественного признания. По-видимому, среди этих 15% и находятся в основном будущие государственные служащие.

Автор: Юлия Гутова © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3711 29.11.2010, 09:14 ↗ 363

URL: <https://babr24.com/?ADE=89987> Bytes: 28213 / 28159 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Юлия Гутова**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)